

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К РЕЖИМУ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

А.С. Ваторопин^{1а}, М.Н. Лату^{2б}, Э.И. Гараева^а

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

^бПятигорский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

В мире уже больше года продолжается пандемия коронавирусной инфекции. Существует необходимость исследовать не только её развитие, но и её социальные последствия, особенно связанные с введением режима самоизоляции для населения. При этом необходимы мониторинговые исследования, которые позволяют собрать материал для дальнейшего анализа влияния введенных ограничений на людей и принятия органами власти управленческих решений на различных этапах развития пандемии, учитывая возможность появления новых опасных инфекционных заболеваний.

В задачу данного исследования входило выявление отношения россиян к различным аспектам режима самоизоляции, введенного в стране для преодоления пандемии; изучение их поведения в таких условиях и проблем, с которыми они столкнулись в этот период. Проведенный анализ опирается на результаты социологического исследования (методом анкетирования опрошено 700 человек), проведенного в феврале 2021 года, и вторичный анализ содержания поликодовых текстов, посвященных феномену массовой самоизоляции (проанализировано 2000 текстов). Выявлено, что: 1) население неоднозначно относится к режиму самоизоляции, осознавая его необходимость и одновременно отмечая проблемы и трудности, которые он порождает; 2) россияне в основном соблюдают установленные этим режимом ограничения; 3) часть респондентов продемонстрировала довольно критический настрой в отношении действий российских властей в условиях режима самоизоляции граждан и недоверие к распространяемой официальной информации. Определены основные проблемы, которые россияне отмечают в связи режимом самоизоляции: сложные взаимоотношения в семье, тяжелое психологическое состояние людей и их недостаточное материальное благополучие. Очевидно, что необходимо продолжать подобные исследования до тех пор, пока продолжается пандемия и связанные с ней ограничения для населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пандемия коронавирусной инфекции, режим самоизоляции, социологическое исследование, поликодовые тексты, отношение населения к режиму самоизоляции, поведение людей, социальные и психологические проблемы, материальное благополучие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ваторопин А.С., Лату М.Н., Гараева Э.И. (2021). Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции // Вопросы управления. № 2. С. 1–18.

В настоящее время ключевой проблемой, оказывающей влияние практически на все стороны жизни современного общества, безусловно, является пандемия коронавирусной инфекции. Отсюда интерес представителей разных отраслей науки как к самой болез-

ни, так и социальным последствиям, ею вызванным. Исследования проводят социологи, психологи, экономисты, демографы, политологи и др. Спектр этих исследований довольно широк. Мы назовем лишь некоторые основные темы.

¹AuthorID РИНЦ: 286350, ScopusID: 6505693896

²AuthorID РИНЦ: 613208, ORCID: 0000-0002-6313-5637, ScopusID: 55782052700, ResearcherID: S-1014-2016

Целый ряд исследований посвящен отношению россиян к режиму самоизоляции, их реакции на те ограничения, которые он накладывает (напр., [1]). Проводятся и аналогичные региональные исследования (Москва, Свердловская область, районы Крайнего Севера и т.д.) [2–4]. Заметное внимание уделяется психологическим проблемам населения в этот сложный период [5; 6]. Изучается мнение граждан по поводу проводимой вакцинации³.

Появляется все больше исследований, в которых рассматриваются социальные последствия пандемии – как положительного, так и отрицательного характера. Среди положительных воздействий выделяется «взрывное» развитие цифровых коммуникаций как в России, так и за рубежом [7, 8], а также волонтерского движения [9, 10]. Однако в основном анализируются проблемы, с которыми столкнулись россияне. Речь идет о росте преступности [11], «фейковых» новостей, связанных как с распространением пандемии, так и с введенными ограничениями для граждан [12]; о проблемах с занятостью населения [13, 14]; о доступности и качестве образования в условиях режима самоограничения [15]; о демографическом кризисе в России [16] и неоднозначных тенденциях развития миграционных процессов [17]. Изучается складывающаяся социально-политическая ситуация в стране [18], а также изменение отношения россиян, их доверие к различным социальным институтам [19].

Отдельно следует выделить исследования, посвященные проблеме социального неравенства, которое значительно углубилось в период пандемии. Это и рост количества бедных в стране и в мире [20], и нарастание гендерного неравенства [21], и явное проявление такого относительно нового вида неравенства, как цифровое [22].

Стоит отметить, что появляются исследования, в которых делаются попытки интегрировать различные социальные последствия коронавирусной инфекции и представить более или менее целостную картину развития России [23, 24] и даже цивилизации в целом [25, 26] в постпандемический период.

Здесь особо обращает на себя внимание работа К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: Великая перезагрузка». Уже само название говорит о том, какое значение в развитии современной цивилизации авторы придают коронавирусной инфекции. Они пишут: «Мы сейчас на перепутье. Один путь приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к Матери-природе. Другой перенесет нас в мир, похожий на тот, который мы только что оставили, но еще хуже и постоянно преследуемый неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать это правильно. Надвигающиеся вызовы могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор представляли, но наша способность к перезагрузке также может быть больше, чем мы ранее осмеливались надеяться» [26].

Стремление максимально полно осмыслить социальные последствия пандемии привело к тому, что начали возникать целые научные направления в рамках некоторых социальных наук, которые призваны реализовать эту цель. Так, социологическая служба «Фонд Общественное мнение» разработала «Социологию пандемии» [27]. Рассмотрим ее несколько подробнее.

«Социология пандемии» включает в себя Проект КоронаФОМ, социальные индикаторы пандемии, хронику пандемии, а также ее последствия для различных сфер жизни общества: прежде всего, экономики, в том числе для корпораций и малого бизнеса; медицины; развития коммуникационных технологий. Особое внимание уделено тому, как реагируют люди на пандемию в социальных сетях.

Что касается Проекта КоронаФОМ, то он предполагает сбор соответствующих социологических данных, их анализ и осмысление влияния пандемии на отдельных людей, социальные группы и общество в целом. Основные исследовательские направления проекта – коронаЗонд (мониторинговый опрос населения, выделение социальных групп на основе их отношения к тем или иным последствиям эпидемии); коронаТемы (определение сфер жизни общества, на которые пандемия оказала са-

³Рейнчук А. Вакцина от COVID-19 – мнение россиян и медицинских работников. URL: <https://covid19.fom.ru/post/vakcina-ot-covid-19-mnenie-rossiyan-i-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 20.03.2021).

мое сильное влияние); коронаБеседы (опрос экспертов, анализ их размышлений о социальных последствиях пандемии); коронаДайджесты (поиск в интернете релевантных текстов, видеороликов, их размещение на сайте коронаФОМ). Другими словами, налицо одна из первых попыток системного подхода социологов «Фонда Общественное мнение» к изучению социальных последствий COVID-19. Подчеркнем, что авторы проекта стремятся выйти за рамки чисто эмпирических исследований.

Таким образом, научных работ, посвященных коронавирусной инфекции и ее последствиям, достаточно много. Однако следует заметить, что пандемия – это достаточно длительный процесс, и поэтому необходимо проводить мониторинговые исследования (причем по различным методикам, чтобы в результате получить максимально возможные объективные данные), накапливать научный материал, который впоследствии позволит провести углубленный анализ этого феномена, приобрести полезный опыт борьбы с его негативными социальными последствиями на разных стадиях развития эпидемии. Данная статья как раз находится в русле подобных исследований.

Целью исследования являлось изучение отношения граждан России к режиму самоизоляции в условиях пандемии (февраль 2021 г.). При этом решались следующие задачи:

1. Выяснить, как граждане России относятся к различным аспектам режима самоизоляции, введенного в стране.

2. Проанализировать поведение людей во время самоизоляции.

3. Выявить основные проблемы, с которыми столкнулись люди в период действия строгих ограничений.

Методы исследования: анкетирование (февраль 2021 г.); вторичный анализ 2000 поликодовых текстов, посвященных самоизоляции (сентябрь – октябрь 2020 г.).

Исследование поликодовых текстов позволило установить перечень значимых смысловых компонентов, используемых при построении сообщений, выражении мнений и особенностей восприятия режима самоизоляции, а также изучить частотность их репрезентации посредством вербальных и невербальных средств. Были проанализированы особенно-

сти корреляции смысловых компонентов посредством разных типов семантических отношений при выражении мнений о массовой самоизоляции. Отметим, что указанные тексты, посвященные самоизоляции, характеризуются широким спектром тем и обсуждаемых вопросов, на основе которых было выделено восемь основных тематик, среди которых «Здоровьесбережение во время самоизоляции», «Продолжительность самоизоляции», «Пребывание дома», «Нахождение вне дома», «Соблюдение режима самоизоляции», «Обеспеченность необходимым», «Финансовое благополучие», «Психологическое состояние».

Перечень вопросов анкеты был составлен на основе анализа содержания данных поликодовых текстов [28, с. 36]. Методом анкетирования опрошено 700 человек; выборка квотная, половозрастная (рис. 1 и 2).

Были получены следующие результаты. Прежде всего, респонденты выразили свое отношение к режиму самоизоляции, введенному в России в марте 2020 г. Почти половина из них (49,0 %) относится к проблеме изоляции нейтрально, одновременно осознавая как ее необходимость, так и связанные с ней трудности, треть (33,0 %) воспринимает его негативно,

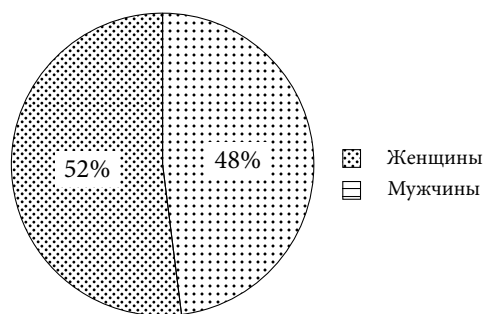

Рисунок 1 – Распределение респондентов по полу
Figure 1 – Distribution of respondents by gender (%)

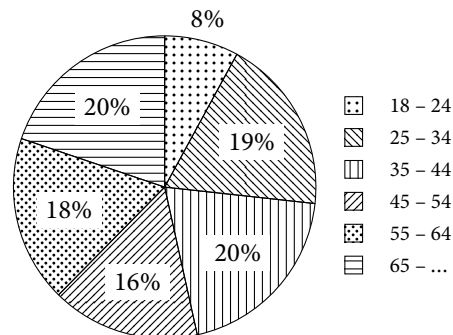

Рисунок 2 – Распределение респондентов по возрасту (в %)
Figure 2 – Distribution of respondents by age (%)

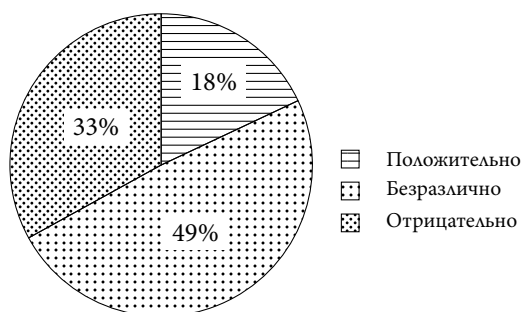

Рисунок 3 – Отношение к режиму самоизоляции (в % от числа ответивших)

Figure 3 – Attitude towards the self-isolation regime (% of the number of respondents)

каждый пятый (18,0 %) оценивает существование данного режима положительно (рис. 3).

При этом заметны различия в эмоциях мужчин и женщин (табл. 1): последние относятся к установленному режиму негативно в два раза чаще (45,6 % против 21,3 %), в свою очередь значительно реже выражая к нему нейтральное или безразличное отношение (36,3 % против 58,4 %).

Таблица 1 – Отношение к режиму самоизоляции в зависимости от пола

Table 1 – Attitude towards self-isolation mode depending on gender

Ответы	Мужчины	Женщины
Положительно	20,3 %	18,1 %
Нейтрально	58,4 %	36,3 %
Отрицательно	21,3 %	45,6 %
Итого:	100 %	100 %

Положительные эмоции проявляют в основном те респонденты, которые заботятся о своем здоровье и безопасности, а также вполне комфортно чувствуют себя, работая удаленно (дома). Причины отрицательного отношения к режиму самоизоляции связаны с дискомфортом от отсутствия «живого» общения с родственниками, друзьями, коллегами по работе, скукой, ограничением личной свободы, финансовыми проблемами и т.д. Некоторые респонденты выразили недоверие информации об опасности коронавирусной инфекции, заявили о неэффективности подобных ограничений. Подчеркнем, что те, кто выделил эмоцию «нейтрально», на самом деле имели в виду противоречивую реакцию на режим изоляции. В качестве примера можно привести такие высказывания: «С одной стороны, у тебя появляется много свободного

времени и, в принципе, учить с кружкой кофе в руке приятнее. Но с другой стороны, лично для меня, такой режим разбалтывает меня, я перестаю чувствовать напряжённость и начинаю хуже учиться»; «Из каждой ситуации надо извлекать что-то хорошее, нельзя категорически к чему-то относиться»; «Вроде это и вынужденная мера, но организовано всё плохо, как минимум в нашей стране» и др.

Респондентам также был задан вопрос: «С чем у Вас ассоциируется режим самоизоляции? Перечислите до 5–7 ассоциаций (слов и/или словосочетаний)». Приведем характерные ассоциации: «Работа, деньги, квартира, нищета, больница»; «Дом, коронавирус, маска, работа из дома, новости»; «Маска, мыло, антисептик, дом, работа»; «Апатия, паника, стресс, беспокойство, раздражение, равнодушие»; «Ограничение свободы, контроль, скука, напряжение, бесполезность»; «Свободное время, саморазвитие, неопределённость, заточение»; «Отсутствие прогулок, минимальная двигательная активность детей, капризы»; «Дом, компьютер, дистант, скука, ограничения, раздражение»; «Тюрьма, глупость, несправедливость, безденежье, безнадёга»; «Безопасность, комфорт, тоска по друзьям, много фильмов и сериалов, время с семьей, дистанционное обучение, пониженная активность»; «Работа, учеба, свобода, неоднозначность, ответственность».

Добавим, что этот ассоциативный ряд во многом коррелирует с перечнем репрезентативных смысловых компонентов, которые использовались в поликодовых текстах для выражения мнений и представлений о массовой самоизоляции. Так, согласно ответам респондентов, участвовавших в этом исследовании, наиболее часто массовая самоизоляция ассоциируется с такими понятиями, как «дом» (28,8 % от общего числа опрошенных), «дистанционное обучение» (25,1 %), «скука» (17,1 %), «медицинская маска» (15,4 %), «удаленная работа» (11,7 %), «саморазвитие», «тюрьма» (12,6 %), «ограничения» (10,9 %), «грусть» (10 %), «сон», «отдых» (8 %), «семья» (7,4 %), «одиночество», «лень» (7,1 %), «болезнь» (6,3 %), «компьютер», «страх» (6,2 %), «еда» (5,1 %), «усталость» (4,6 %), «карантин», «антисептик» (4,3 %), «лишний вес» (3,4 %).

Таблица 2 – Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года?
(в % от числа ответивших)

Table 2 – How do you assess the relaxation of the self-isolation regime and the lifting of a number of restrictions this spring?
(% of the number of respondents)

Ответы	Возраст респондентов					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 54	55 – 64	65 – ...
Считаю, что это было сделано преждевременно	12,6	8,2	4,5	15,8	19,8	24,9
Считаю, что это было сделано своевременно	50,6	48,7	55,9	46,9	44,7	42,8
Считаю, что это было осуществлено слишком поздно	36,8	43,1	39,6	37,3	35,5	32,3
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

Так или иначе, большинство ассоциаций и в том и в другом исследовании подтверждают противоречивое отношение россиян к режиму изоляции.

Данный вывод о неоднозначном отношении населения к введенному режиму ограничений находит свое подтверждение и при анализе ответов респондентов на другие вопросы. Так, 49,1 % опрошенных считают период самоизоляции слишком продолжительным, в то же время почти 3/4 (72,5 %) эта мера представляется, в общем, обоснованной. При этом стоит отметить, что, похоже, несколько легче время ограничений переносят старшие возрастные группы: слишком продолжительным этот период считают 38,1 % граждан в возрасте 55–64 лет и 45,9 % – в возрасте 65+. Для сравнения: подобные взгляды среди молодых и среднего поколения присущи 52,0 % в возрастной категории 18–24, 58,8 % в категории 25–34, 62,3 % в категории 35–44.

В ходе исследования удалось выяснить, как граждане оценивают обоснованность постепенного выхода из режима массовой самоизоляции, который был предпринят в России в мае 2020 года. На вопрос «Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года?» 50,3 % респондентов ответили, что это было сделано своевременно, 39,0 % – слишком поздно, 10,7 % – преждевременно. И снова наблюдаются довольно противоречивые мнения граждан (рис. 4).

В большей степени негативные оценки высказали мужчины (55,5 %). Подчеркнем, что все возрастные категории примерно одинаково оценивают этот шаг властей, однако есть и некоторые различия. Здесь выделяются возрастные группы 55–64 и 65+: респонденты из этих групп чаще выражают мнение, что

«это было сделано преждевременно» (соответственно 19,8 % и 24,9 %). Напротив, в группах 25–34 и 35–44 подобных взглядов придерживаются только 8,2 % и 4,5 % (табл. 2).

В период пандемии люди ищут разные способы, чтобы защититься от инфекции. Среди самых эффективных респонденты назвали следующие (рис. 5): обработку рук и поверхностей антисептиками – 64,0 % опрошенных, масочный режим – 49,2 %, занятия спортом – 34,2 %, дистанцирование – 30,2 %, измерение температуры в местах скопления людей – 26,8 %, нахождение дома – 16,2 %. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о том, что разъяснительная кампания в средствах массовой информации, призванная сократить масштабы эпидемии, в принципе, оказалась эффективной: население, в основном, восприняло рекомендации специалистов. В то же время каждый пятый (19,2 %) готов прибегать к методам нетрадиционной медицины, а значит, вполне вероятно, допускает возможность самолечения в случае заболевания. Эпидемиологи, как известно, категорически против таких методов.

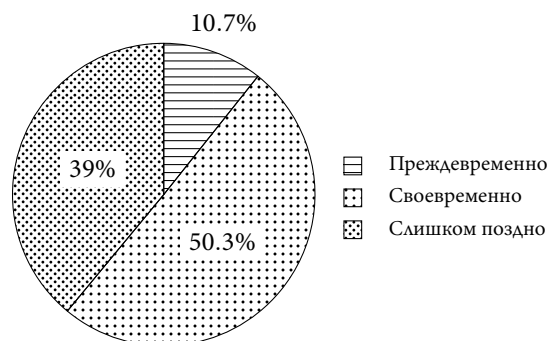

Рисунок 4 – Как Вы оцениваете послабления режима самоизоляции и снятие ряда ограничений весной этого года? (в % от числа ответивших)

Figure 4 – How do you assess the relaxation of the self-isolation regime and the lifting of a number of restrictions this spring? (% of the number of respondents)

Рисунок 5 – Назовите наиболее эффективные способы здоровьесбережения во время самоизоляции (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)
Figure 5 – What are the most effective ways of preserving health during self-isolation (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Рисунок 6 – Соблюдали ли Вы режим самоизоляции? (в % от числа ответивших)
Figure 6 – Did you observe the self-isolation regime? (% of the number of respondents)

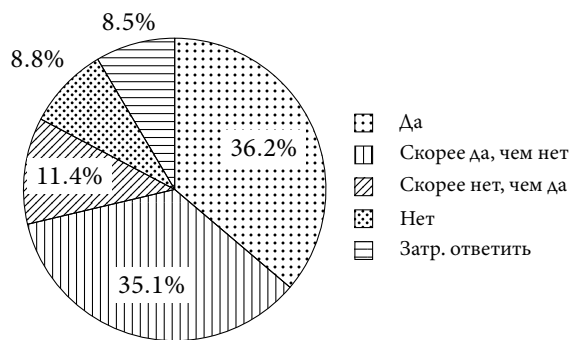

Рисунок 7 – Готовы ли Вы соблюдать режим самоизоляции, который был введен в Вашем регионе весной этого года, если его введут снова? (в % от числа ответивших)
Figure 7 – Are you ready to comply with the self-isolation regime that was introduced in your region this spring if it is introduced again? (% of the number of respondents)

Об успешности информационной кампании против пандемии свидетельствует и тот факт, что 3/4 граждан (74,2%), в целом, соблюдали режим самоизоляции (рис. 6), и почти столько же (71,3%) готовы соблюдать его

и впредь, если он будет введен (рис. 7). Подчеркнем, что нет больших различий в ответах на эти вопросы респондентов, дифференцированных по полу и возрасту.

В ходе исследования была поставлена задача проанализировать поведение людей в период самоизоляции. Были получены следующие результаты.

Находясь дома, люди больше времени уделяли таким активным и, как правило, необходимым видам деятельности, как: удаленная работа (50,1%), дистанционное обучение (35,1%), общение посредством мессенджеров, средств видеосвязи (24,8%), организация досуга детей (21,4%), самообучение (21,1%), домашние дела и обязанности (14,8%). Что касается свободного времени и досуга, то здесь предпочтение отдавалось: употреблению пищи (34%), любовным отношениям (30,3%), сну и пассивному отдыху на диване (20,3%), употреблению алкоголя (15,8%), занятию спортом (9,9%), компьютерным играм и развлечениям (9,3%) (рис. 8). Данный перечень вполне коррелирует с представлениями об активном и пассивном времяпровождении в этот период, которые нашли отражение в поликодовых текстах [28, с. 27]. Характерно то, что лишь 6,2% опрошенных потратили свободное время на чтение, причем среди мужчин таковых в два раза меньше, чем среди женщин (4,1% и 8,3% соответственно).

Респонденты назвали основные причины, которые заставляли их выходить из дома в период самоизоляции. Среди них: выгул животных (85,5%), покупка продуктов и лекарств

Рисунок 8 – Чему, по Вашему мнению, в период нахождения дома на самоизоляции люди стали уделять больше времени? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 8 – What do you think people began to devote more time to while they were at home on self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Рисунок 9 – Какие наиболее значимые причины Вы можете назвать для нахождения вне дома в период самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 9 – What are the most significant reasons for being out of the house during the period of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

(76,3 %), работа (59,6 %), прогулка с детьми (54,5 %), посещение врача (43,0 %), занятия спортом (16,4 %), визиты в салоны красоты (12,2 %), прогулки в парке (9,5 %) (рис. 9). Очевидно, что некоторые причины вполне обоснованы, другие же приводили к нарушениям установленного режима, причем иногда без жесткой необходимости (например, посещения салонов красоты).

Респонденты отметили и нарушения режима самоизоляции, которые они наблюдали

лично. Основные из них: несоблюдение дистанции в общественных местах (85,5 % опрошенных), прогулки с детьми (42,8 %), выезд за пределы своего населенного пункта (18,4 %), нарушение масочного режима (15,8 %), свободное перемещение по городу (9,6 %), работа кафе, спортзалов, парикмахерских (6,9 %). Интересно, что каждый пятый (21,1 %) вообще не сталкивался с нарушениями (рис. 10). На наш взгляд, это выглядит довольно странно, так как названные нарушения были очевид-

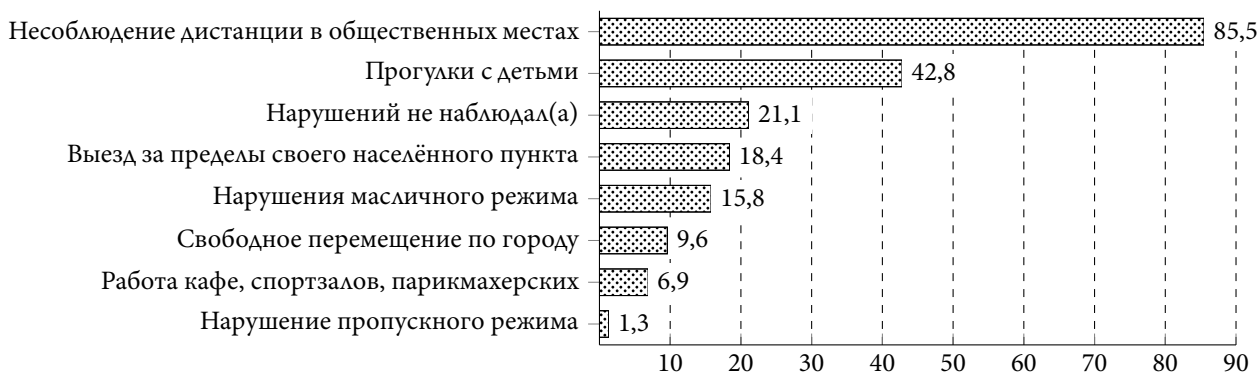

Рисунок 10 – Какие нарушения Вы наблюдали в условиях режима самоизоляции в Вашем регионе? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 10 – What violations have you observed during the self-isolation regime in your region? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Рисунок 11 – Каковы, на Ваш взгляд, причины нарушения самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 11 – What, in your opinion, are the reasons for the violation of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

ны, и о них постоянно сообщали средства массовой информации. Возможно, что респонденты просто не захотели обсуждать эту тему.

Были названы причины, по которым происходили указанные нарушения режима самоизоляции. Чаще всего упоминались следующие: необходимость зарабатывать на жизнь (отметили 43,7 % респондентов), психологическая усталость (43,5 %), необходимость посещать родственников и друзей (32,1 %), отсутствие должного контроля за соблюдением ограничительных мер (21,0 %), боязнь потерять работу (19,2 %), недисциплинированность граждан (18,0 %), потребность в живом общении (16,5 %). Особо стоит отметить ответ: «Отсутствие доверия к информации о се-

резной опасности коронавируса». Его дали почти четверть опрошенных (23,8 %) (рис. 11). Это для власти серьезный повод задуматься, как улучшить организацию информационно-разъяснительной работы с населением в условиях пандемии, тем более что многие эксперты предупреждают о возможности распространения новых, еще более опасных инфекций.

Теперь более подробно рассмотрим проблемы, с которыми сталкивалось население в период самоизоляции, и последствия, в том числе психологические, пребывания людей в подобных условиях.

На вопрос «Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период само-

изоляции?», были получены следующие ответы. Прибавку лишнего веса отметили 66,4 % респондентов, возросший объем работы и учебной нагрузки – 33,6 %, проблемы в семье – 27,2 %, ухудшение психологического состояния – 24,8 %, отсутствие возможности работать удаленно – 23,2 % нехватку денег, продуктов, медикаментов – 18,4 %, неудобства при постоянном использовании средств защиты – 16,2 %. Среди других проблем граждане указывали на рост преступности (15,2 %) и потерю работы (14,4 %); заметим, что это тоже довольно значительные цифры (рис. 12). При этом обращает на себя внимание то, что в ходе данного опроса такая проблема, как лень и скука, которая нередко отмечалась в поликодовых текстах, не нашла значительного отражения в ответах респондентов [28, с. 29].

Стоит подчеркнуть, что мужчины чаще, чем женщины жалуются на нехватку денег, продуктов, медикаментов (23,4 % против 13,4 %), неудобства при постоянном использовании средств защиты (19,9 % против 12,6 %), рост преступности (18,2 % против 12,2 %). В свою очередь, женщины отмечали чаще мужчин такие проблемы, как прибавку лишнего веса (70,3 % против 62,5 %), возросший объ-

ем работы и учебной нагрузки (45,3 % против 22,0 %), проблемы в семье (31,0 % против 23,4 %), ухудшение психологического состояния (28,6 % против 21,1 %), отсутствие возможности работать удаленно (27,5 % против 19,0 %), потерю работы (16,3 % против 12,9 %), отсутствие услуг: парикмахерской, спортзала, салона красоты (13,4 % против 5,6 %) (см. табл. 3). Обратим внимание, что у женщин в рассматриваемый период оказалось больше проблем с работой (разные аспекты), чем у мужчин.

Так или иначе, в период самоизоляции люди имеют различные проблемы и испытывают те или иные трудности, в том числе материальные и психологические, и это, безусловно, сказывается на их здоровье. Об этом, кстати, косвенно свидетельствует и жалоба почти 2/3 респондентов на прибавку веса в этот период. Кроме того, они отмечают и нарастание таких социальных проблем, как преступность и безработица.

Особое внимание в ходе исследования было уделено проблемам взаимоотношений в семье, психологическому состоянию людей и материальному благополучию в рассматриваемый период.

Рисунок 12 – Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период самоизоляции? (в % от числа ответов; допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Figure 12 – What, in your opinion, are the most significant problems and difficulties that people face during the period of self-isolation? (% of the number of answers; multiple choice of answers allowed)

Таблица 3 – Каковы, по Вашему мнению, наиболее значимые проблемы и трудности, с которыми люди сталкиваются в период самоизоляции?

Table 3 – What, in your opinion, are the most significant problems and difficulties that people face during the period of self-isolation?

Ответы	М	Ж
Отсутствие услуг (парикмахерской, спортзала, салона красоты)	5,6	13,4
Прибавка лишнего веса	62,5	70,3
Проблемы в семье	23,4	31,0
Отсутствие возможности работать удаленно	19,0	27,5
Потеря работы	12,9	16,3
Нехватка денег, продуктов, медикаментов	23,4	13,4
Ухудшение психологического состояния	21,1	28,6
Отсутствие или трудности с освоением технических средств для коммуникации	8,3	7,4
Сложности с получением пропуска для выхода на улицу	0,9	0,4
Рост преступности	18,2	12,2
Возросший объем работы и учебной нагрузки	22,0	45,3
Неудобства при постоянном использовании средств защиты	19,9	12,6
Доступ к информации	3,8	6,2
Противоречивость информации	14,5	16,3
Затрудняюсь ответить	0,8	0,4

Прим.: допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа

Более половины респондентов (60 %) не испытывали особых проблем с другими членами семьи.

Среди тех, у кого такие проблемы были (40,0 %), женщин больше, чем мужчин (44,9 % среди женщин и 34,2 % среди мужчин) (табл. 4). Чаще всего это были проблемы с детьми (на это указали 39,5 % опрошенных) и с супругом (30,7 %). У каждого шестого (17,4 %) возникали проблемы с родителями. Заметны различия по возрастным категориям. На проблемы с супругом чаще других указывают представители категории 35–44 (34,8 %), 55–64 (31,1 %) и 25–34 (29,7 %). Несколько меньше – 65+ (26,3 %) и 45–54 (24,1 %). И заметно реже представители самой молодой категории – 18–24 (12,8 %). Последние меньше жалуются и на проблемы с детьми, что вполне объяснимо. Точно так же естественно, что проблем с родителями меньше у представителей старших поколений: 55–64 и 65+. В то же время интересно отметить, что проблемы с

Таблица 4 – Испытывали ли Вы трудности, связанные с постоянным нахождением дома с членами семьи? (в % от числа ответивших)

Table 4 – Have you experienced difficulties in constantly staying at home with family members? (% of the number of respondents)

Ответы	Мужчины	Женщины
Да	34,2 %	44,9 %
Нет	65,8 %	55,1 %
Итого:	100 %	100 %

другими родственниками отмечают, прежде всего, те, кто относится к самой молодой категории и самой пожилой (соответственно 26,7 % и 25,1 %). Для выяснения причин такой ситуации требуются дополнительные исследования.

Самоизоляция оказала серьезное влияние на психологическое состояние людей. На изменение этого состояния обратили внимание более половины респондентов (57,8 %). В первую очередь, это касается респондентов старших возрастов: 45–54 – 66,1 %, 55–64 – 59,5 %, 65+ – 58,3 %. А вот среди тех, кто принадлежит к категории 18–24, изменение психологического состояния отметили только 35,4 %, в категории 25–34 – 42,2 % (табл. 5). В целом, респонденты особо выделили: раздражение в отношении власти (57,0 %), страх (44,2 %), тревогу (39,0 %), неуверенность (37,0 %), стресс (33,0 %), растерянность (24,5 %), депрессию (23,4 %), раздражение в отношении близких (19,8 %). Заметим, что эти данные в целом коррелируют с психологическими состояниями, которые были зафиксированы в период массовой самоизоляции на основе анализа поликодовых текстов: депрессия, раздражение и недовольство (и в отношении близких, и в отношении органов власти), а также стресс, страх и тревога, чувство одиночества, растерянность и удивление [28, с. 31].

Обращает на себя внимание довольно негативная психологическая реакция респондентов на действия власти в период самоизоляции. Впрочем, на наш взгляд, кроме действительно объективных причин такого отношения существует и известный в психологии феномен «искать виноватого». Логика здесь очевидна: в условиях плохо контролируемого кризиса основной субъект противодействия развертыванию последнего – государство; кризис приобрел долговременный

Таблица 5 – Испытывали ли Вы изменения в психологическом состоянии в период самоизоляции?

Table 5 – Have you experienced changes in the psychological state during the period of self-isolation?

Ответы	Возраст респондентов					
	18 – 24	25 – 34	35 – 44	45 – 54	55 – 64	65 – ...
Да	35,4	42,2	54,3	66,1	59,5	58,3
Нет	64,6	57,8	45,7	33,9	40,5	41,7
Итого:	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %

характер, значит, власть действует недостаточно эффективно. Однако, вероятно, подробный анализ действия властей различных уровней в условиях пандемии еще впереди, и его результаты могут привести к переоценке деятельности государства в это сложное время, в том числе и со стороны общественного мнения.

Что касается финансового благополучия, то 70,1 % респондентов ответили, что режим самоизоляции на него не повлиял, 20,0 % – что повлиял незначительно. Только 7,7 % отметили значительное его влияние на их финансовое положение (см. рис.13).

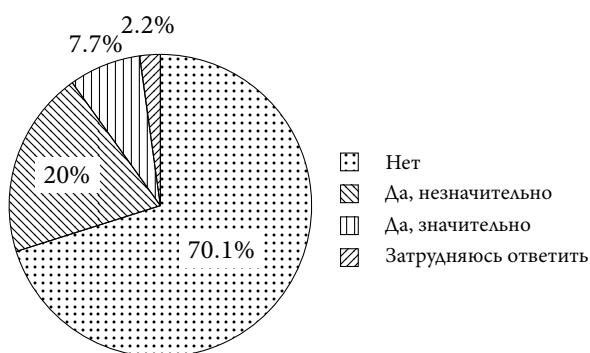

Рисунок 13 – Отразился ли период самоизоляции на Вашем финансовом благополучии? (в % от числа ответивших)

Figure 13 – Has the period of self-isolation affected your financial well-being? (% of the number of respondents)

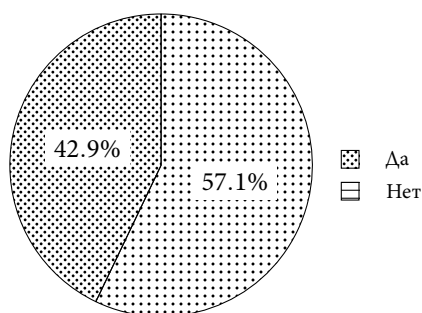

Рисунок 14 – Делали ли Вы запасы продуктов и (или) товаров? (в %)

Figure 14 – Have you made stocks of products and (or) goods? (%)

При этом значительных гендерных отличий выявлено не было. А вот по возрастным категориям такие различия были. Например, в категории 18–24 тех, чье финансовое благополучие заметно изменилось, в два раза больше, чем в категории 65+ (9,1 % против 4,5%); близкое соотношение в этих категориях и среди тех, чье финансовое положение изменилось, но незначительно (23,9 % и 15,4 % соответственно). В целом, подчеркнем, что пандемия оказала большее влияние – с точки зрения финансового благополучия – на молодое и среднее поколение, чем на старшее. С учетом того, что респонденты жаловались на потерю работы и нехватку финансовых средств в период пандемии (рис. 11 и табл. 3), получается, что материальное положение некоторых из них в той или иной мере ухудшилось, особенно у работающей части населения. И это власти должны, безусловно, учитывать в своей деятельности по преодолению последствий коронавирусной инфекции.

Косвенным подтверждением беспокойства людей за свое материальное положение является тот факт, что более половины опрошенных (57,1 %) делали запасы продуктов в период самоизоляции (рис. 14).

Среди этих продуктов чаще всего упоминаются крупы (особенно гречка), макароны, мясо, реже сахар, соль, консервы, бытовую химию, лекарства, спички, туалетная бумага. Очевидно, что россияне стремились закупать нескоропортящиеся продукты и некоторые товары первой необходимости.

Впрочем, на вопрос «Если режим будет введен вновь, будете ли Вы делать запасы продуктов и товаров?» только четверть респондентов (27,5 %) ответила утвердительно. При этом ответы свидетельствуют о некоторых изменениях в предпочтениях. Как и ранее, самым востребованными продуктами окажутся крупы, мясо, консервы, мука, овощи, сахар, лекарства

бытовая химия; упоминаются соль, чай, гораздо реже – туалетная бумага. Отметим также отсутствие упоминание таких товаров, как чеснок и имбирь, которые пользовались спросом в начале периода массовой самоизоляции.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что властям удалось избежать панических настроений среди населения и обеспечить нормальную логистику продуктов и товаров первой необходимости в этот кризисный период.

Как итог, респондентам был задан вопрос: «Повлиял ли режим самоизоляции на Ваш привычный образ жизни?». Были получены несколько удивительные ответы. Почти половина респондентов (45,4 %) заявили, что повлиял, но незначительно; каждый пятый (18,5 %) – что вообще не оказал влияния; 5,0 % затруднились ответить. И только каждый третий (31,1 %) считает, что режим самоизоляции значительно повлиял на его образ жизни.

На наш взгляд, такого рода результаты интерпретировать довольно сложно, но можно предположить, что за год респонденты сумели адаптироваться к режиму самоизоляции, и он уже не выглядит, как однозначно сверхординарный феномен. В любом случае, для исследователей появляется возможность и необходимость продолжить изучение жизни людей в таких, по сути, необычных условиях.

Выводы

1. Население демонстрирует неоднозначное и порой противоречивое отношение к режиму самоизоляции: в основном сознавая его необходимость для защиты здоровья людей, респонденты отмечают целый ряд проблем и трудностей, связанных с ограничениями, которые он накладывает. В то же время почти 3/4 граждан его соблюдали и готовы соблюдать впредь, если его введут снова.

2. Часть респондентов довольно критически относится к деятельности государства в этот сложный период, однако в основе такого отношения лежат, прежде всего, психологические факторы («поиск виноватого»), а не рациональная оценка принятых мер. Об этом позволяют судить ответы на косвенные вопросы, касающиеся деятельности государства.

3. Поведение большинства людей в период самоизоляции, судя по полученным ответам, было адекватным. Нарушения установленного

режима имели место, но они не носили критического характера. При этом одной из причин было то, что заметная часть граждан (почти четверть) не доверяла информации властей, связанной с коронавирусной инфекцией.

4. Среди основных проблем, с которыми столкнулись респонденты в период самоизоляции, были проблемы взаимоотношений в семье, психологическое состояние людей и материальное благополучие в условиях пандемии.

Большая часть респондентов не испытывала проблем при общении с членами своей семьи в этот период. Среди тех, кто такие проблемы имел, было относительно больше женщин, чем мужчин.

Больше половины респондентов отметили серьезное влияние самоизоляции на психологическое состояние людей – особенно среднего и старшего возраста. Проявлениями этого стали раздражение в отношении власти, страх, тревога, стресс, депрессия и др.

Менее 10 % респондентов заявили о значительном, как правило, негативном, изменении своего финансового положения в период пандемии. Среди них преобладают представители молодого и среднего поколения.

5. В целом режим самоизоляции заметно повлиял на образ жизни менее трети населения. Абсолютное большинство респондентов не отметили существенных изменений в своем образе жизни.

Рекомендации органам власти

1. Эффективнее проводить разъяснительную и пропагандистскую кампанию в период пандемии и введения режима самоизоляции, касающуюся как принимаемых властями мер, так и требуемого от граждан поведения в кризисных условиях. Целью кампании должно быть повышение доверия граждан к действиям власти.

2. Принимать адресные меры в отношении половозрастных групп, в том числе оказывать психологическую помощь представителям старшего поколения и материальную (финансовую) поддержку работающему населению, а также женщинам – особенно тем людям, кто оказался временно безработным.

Очевидно, что социальные последствия пандемии будут иметь долговременный характер. Поэтому необходимо продолжать мони-

торинг этих последствий, а также осуществлять теоретическую рефлексию, обобщающую изменения в различных сферах жизни российского общества, которые вызывают подобно-

го рода катаклизмы. Это даст возможность лучше подготовиться к вызовам, с которым россиянам, не исключено, придется столкнуться в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Логинов Д.М. (2020). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 470–487.

2. Слепцов А.Н., Потравная Е.В. (2020). Влияние пандемии коронавируса на жизнь арктических регионов в оценках населения // Социологические исследования. № 7. С. 144–147. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2020/7/Sleptsov.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

3. Ваторопин А.С., Костина Н.Б., Калугина Д.А., Черкасова В.Ю., Гараева Э.И. (2020). Население Свердловской области о коронавирусной инфекции и её социальных последствиях // Вопросы управления. № 3 (64). С. 139–153.

4. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. (2020). Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. № 7. С. 138–143.

5. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. (2020). Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. Т. 28. № 2. С. 90–108.

6. Луковцева З.В. (2020). Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. Т. 11. № 4. С. 13–25.

7. Малышева Г.А. (2020). Цифровые сети как ресурс социальной коммуникации в условиях пандемии // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения (12–14 ноября 2020 года) / Отв. редакторы : Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт. С. 418–419. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8819 (дата обращения: 20.03.2021).

8. Куликов О.А. (2020). Пандемия коронавируса как фактор интенсификации развития и внедрения цифровых технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Эко-

номика. Управление. Право. Т. 20, вып.4. С. 400–404. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-faktor-intensifikatsii-razvitiya-i-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

9. Башева О.А., Ермолаева П.О. (2020). Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. Т. 11. № 1. С. 47–69. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2020_32/Basheva,Ermolaeva_49-71.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

10. Мерсиянова И.В., Брюшно А.С. (2020). Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 357–375. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-volonterskie-platformy-gotovnost-rossiyan-i-potentsial-primeneniya/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

11. Багреева Е.Г., Мантарова А.И. (2020). Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгарии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 3. С. 93–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-analiz-i-tendentsii-prestupnosti-v-period-i-posle-pandemii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-bolgarii> (дата обращения: 20.03.2021).

12. Василькова В.В., Легостаева Н.И. (2020). Социальные боты в компьютерной пропаганде: серфинг на информационной волне коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 329–356. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-boty-v-kompyuternoy-propagand-serfing-na-informatsionnoy-volne-koronavirusa> (дата обращения: 20.03.2021).

13. Шарпф М., Эртельт Б.-Й. (2020). Последствия пандемии COVID-19 для развития рынка труда // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция

«Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

14. Гневашева В.А., де Конти Б. (2021). Предпосылки управленческого воздействия на территориальные рынки труда в условиях отрицательной экстерналии COVID-19: на примере России и Бразилии // Вопросы управления. № 1 (68). С. 75–87. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/06> (дата обращения: 20.03.2021).

15. Комлева В.В. (2021). Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее // Вопросы управления. № 1 (68). С. 144–155. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/11> (дата обращения: 20.03.2021).

16. Верещагина А.В. (2020). Демографические вызовы безопасности российского общества в условиях пандемии // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция «Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

17. Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2021). Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. № 1 (68). С. 62–74. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/05> (дата обращения: 20.03.2021).

18. Малышева Г.А. (2020). Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-v-obschestve-tsifrovoy-setevizatsii-gossiyskiy-opyt/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

19. Макушева М.О., Нестик Т.А. (2020). Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 427–447. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-i-effekty-doveriya-sotsialnym-institutam-v-usloviyah-pandemii/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

20. Шеремет А.Н. (2020). Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID 19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 4. С. 136–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

21. Мжельская А.С. (2020). Механизмы международно-правового регулирования межличностного насилия и гендерного неравенства в период пандемии COVID-19 // Вопросы российской юстиции. № 9. С. 946–954. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-mezhlichnostnogo-nasiliya-i-gendernogo-neravenstva-v-period-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

22. Новоженина О.П., Гребняк О.В., Афанасьев В.А. (2020). Цифровое неравенство в условиях пандемии // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. О. П. Новоженина ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН. С. 63–71. URL: <http://испи.рф/product/декчтения-2> (дата обращения: 20.03.2021).

23. Осипова Н.Г. (2020). Российское общество после пандемии: взгляд в будущее // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV международная научная конференция «Сорокинские чтения» (онлайн). Социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

24. Великая Н.М., Сакка Ф., Ирсетская Е.А. (2021). Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности // Вопросы управления. № 1 (68). С. 8–22. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/01> (дата обращения: 20.03.2021).

25. Талаквдзе Г. (2020). Социальные, экономические и мировоззренческие последствия пандемии COVID-19. Sciences of Europe. № 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekonomicheskie-i-mirovozzrencheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).

26. Шваб К., Маллере Т. (2020). COVID-19: Великая перезагрузка. URL: <https://www.litlib.net/book/135579/read> (дата обращения: 20.03.2021).

27. Социология пандемии. Проект корона-ФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.

319 с. URL: <https://media.fom.ru/fom-static/.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

28. Лату М.Н. (2021). Тематическая стратификация статических поликодовых текстов, посвященных самоизоляции // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 26–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ваторопин Александр Сергеевич – доктор социологических наук, доцент; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); alexandr.vatoropin@ui.ranepa.ru.

Лату Максим Николаевич – кандидат филологических наук; Пятигорский государственный университет (357532, Россия, Ставропольский край, Пятигорск, пр-кт Калинина, 9); laatu@yandex.ru.

Гараева Эльнара Ильфатовна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); garaeva-ei@ranepa.ru.

ATTITUDE OF THE RUSSIANS TO SELF-ISOLATION REGIME CAUSED BY THE COVID-19 PANDEMIC

A.S. Vatoropin^{4a}, M.N. Latu^{5b}, E.I. Garaeva^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

^bPyatigorsk State University

ABSTRACT:

During the last year the world has been fighting with the coronavirus infection. It is important to research not only its development, but also its social consequences, especially those that are connected with the self-isolation regime.

At the same time, monitoring studies are especially relevant that allow collecting material for further analysis of the impact of the imposed restrictions on people and for the adoption of managerial decisions by the authorities at various stages of the development of the pandemic, taking into account the possibility of the emergence of new dangerous infectious diseases.

The goals of this study are to reveal the attitude of the Russians to different aspects of self-isolation imposed in the country to stop the pandemic and to analyze the behavior of people in this period, as well as the problems they faced. The analysis is based on the results of sociological survey (700 people took part in the survey) held in February of 2021 and the secondary analysis of the content of multi-modal texts devoted to the phenomenon of self-isolation (2000 have been analyzed). The following results were obtained: 1) the population has an ambiguous attitude to the regime of self-isolation, realizing its necessity and at the same time underlining the problems and difficulties that it generates; 2) the Russians generally complied with the restrictions of the lockdown; 3) some of the respondents demonstrated a rather critical attitude towards the actions of the Russian authorities in the conditions of self-isolation and showed distrust in the official information.

⁴RSCI AuthorID: 286350, ScopusID: 6505693896

⁵RSCI AuthorID: 613208, ORCID: 0000-0002-6313-5637, ScopusID: 55782052700, ResearcherID: S-1014-2016

The main problems caused by the self-isolated regime are identified: strained relations within the family; psychological tension caused by the lack of money. Obviously, it is necessary to continue such research as long as the pandemic and the restrictions continue.

FUNDING: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute (EISI), project № 20-011-31693.

KEYWORDS: coronavirus pandemic, self-isolation regime, sociological survey, multimodal texts, attitude of people to lockdown, behavior of people, social and psychological problems, material wealth.

FOR CITATION: Vatoropin A.S., Latu M.N., Garaeva E.I. (2021). Attitude of the Russians to self-isolation regime caused by the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 2, pp. 1–18.

REFERENCES

1. Loginov D.M. (2020). Social well-being of the Russian population during the acute phase of the epidemiological crisis, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 6, pp. 470–487.
2. Slepsov A.N., Potravnya E.V. (2020). The effect of coronavirus pandemic on the life of the Arctic regions in population estimates, *Sociological studies*, no. 7, pp. 144–147. URL: <http://socs.isras.ru/files/file/2020/7/slepsov.pdf> (accessed 20.03.2021).
3. Vatoropin A.S., Kostina N.B., Kalugina D.A., Cherkasova V.Yu., Garayeva E.I. (2020). Population of the Sverdlovsk region about coronavirus infection and its social consequences, *Management issues*, no. 3 (64), pp. 139–153.
4. Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. (2020). Pandemic perception of COVID-19 residents of Moscow, *Sociological studies*, no. 7, pp. 138–143.
5. Rasskazova E.I., Leontiev D.A., Lebedeva A.A. (2020). Pandemic as a subjective well-being challenge: anxiety and consultation, *Advisory psychology and psychotherapy*, vol. 28, no. 2, pp. 90–108.
6. Lukovtseva Z.V. (2020). Pandemic COVID-19 as a social stressor: Factors of psychological and psychiatric risk (based on materials of foreign studies), *Social psychology and society*, vol. 11, no. 4, pp. 13–25.
7. Malysheva G.A. (2020). Digital networks as a resource of social communication in the conditions of a pandemic. In: Proceedings of the Russian Scientific Conference “Digital Society – a new format of social reality: structures, processes and trends of development” – XIV Kovalevsky Readings (November 12–14, 2020). Saint Petersburg: Skifiya-print, pp. 418–419. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8819 (accessed 20.03.2021).
8. Kulikov O.A. (2020). Coronavirus pandemic as a factor in the intensification of the development and implementation of digital technologies, *Izvestia of Saratov University. New series. Economics. Management. Law*, vol. 20, Issue 4, pp. 400–404. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-kak-faktor-intensifikatsii-razvitiya-i-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy/viewer> (accessed 20.03.2021).
9. Basheva O.A., Ermolaeva P.O. (2020). The phenomenon of digital volunteer in emergency situations: essence, species, theoretical framework, *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 11, no. 1. C.47–69. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2020_32/Basheva,Ermolaeva_49-71.pdf (accessed 20.03.2021).
10. Mursiyanova I.V., Bryukhno A.S. (2020). Digital volunteer platforms: Russian readiness and application potential, *Public opinion monitoring: Economic and social changes*, no. 6, pp. 357–375. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-volonterskie-platformy-gotovnost-rossiyan-i-potentsial-primeneniya/viewer> (accessed 20.03.2021).
11. Bagreeva E.G., Mantarova A.I. (2020). Criminological analysis and trends in crime in the period and after a pandemic in the Russian Federation and the Republic of Bulgaria, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, no. 3, pp. 93–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-analiz-i-tendentsii-prestupnosti-v-period-i-posle-pandemii-v-rossiyskoy-federatsii-i-respublike-bolgarii> (accessed 20.03.2021).
12. Vasilkova V.V., Legostaeva N.I. (2020). Social bots in computer propaganda: surfing on the coronavirus information wave, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 6, pp. 329–356. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-boty-v-kompyuternoy-propagande-serfing-na-informatsionnoy-volne-koronavirusa> (accessed 20.03.2021).
13. Sharpf M., Ertelet B.-Y. (2020). Consequences of the Pandemic COVID-19 for the development of the labor market. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference “Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokin-sky Readings” (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: <https://www.socsci.msu.ru/interconf2020/>

//lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

14. Golasheva V.A., de Conti B. (2021). Pre-conditions for management impact on labor markets in case of COVID-19 negative externality: by the example of Russia and Brazil, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 75–87. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/06> (accessed 20.03.2021).

15. Komleva V.V. (2021). Accessibility and quality of higher education under the COVID-19 pandemic: governmental efforts with an eye to the future, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 144–155. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/11> (accessed 20.03.2021).

16. Vereshchagina A.V. (2020). Demographic challenges of the safety of Russian society in the conditions of a pandemic. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference “Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokinsky Readings” (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

17. Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021). Demographic security and trends in migration processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 pandemic, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 62–74. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/05> (accessed 20.03.2021).

18. Malysheva G.A. (2020). Socio-political aspects of a pandemic in digital networking society: Russian experience, *Bulletin of the Moscow State Regional University*, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskie-aspekty-pandemii-v-obschestve-tsifrovoy-setevizatsii-rossiyskiy-opyt/viewer> (accessed 20.03.2021).

19. Makusheva M.O., Nestik T.A. (2020). Socio-psychological prerequisites and effects of confidence in social institutions in the conditions of a pandemic, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 6, pp. 427–447. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-i-effekty-doveriya-sotsialnym-institutam-v-usloviyah-pandemii/viewer> (accessed 20.03.2021).

20. Sheremet A.N. (2020). Pandemic inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID 19, *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, no. 4, pp. 136–141. URL: [\[ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer\]\(https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer\) \(accessed 20.03.2021\).](https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-</p>
</div>
<div data-bbox=)

21. Mzhelskaya A.S. (2020). Mechanisms of international legal regulation of interpersonal violence and gender inequality in the Pandemic period COVID-19, *Questions of Russian Justice*, no. 9, pp. 946–954. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-mezhlichnostnogo-nasiliya-i-gendernogo-neravenstva-v-period-pandemii-covid-19/viewer> (accessed 20.03.2021).

22. Novozhenina O.P., Grebnyak O.V., Afanasyev V.A. (2020). Digital inequality in pandemic conditions. In: Proceedings of the Second December socio-political readings “How do you live, Russia?”. Russian Social State and Civil Society in 2020: the implementation of national projects in the conditions of postpandemic reality (Moscow, December 10, 2020). Moscow: FNISC RAS, pp. 63–71. URL: <http://xn--h1aauh.xn--plai/product/%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-2/> (accessed 20.03.2021).

23. Osipova N.G. (2020). Russian society after a pandemic: a look into the future. In: Proceedings of the XV International Scientific Conference “Modern society in conditions of socio-economic uncertainty – Sorokinsky Readings” (online). Sociological faculty of the Lomonosov Moscow State University. URL: https://lomonosov-msu.ru/file/mail/attachment/9049/mb9049_7377bb9d51ad73d53c2f6c3ae0c6add833044cc.pdf (accessed 20.03.2021).

24. Velikaya N.M., Saccà F., Irsetskaya E.A. (2021). Coronavirus pandemic in the modern Russian public discourse: threats, challenges and opportunities, *Management issues*, no. 1 (68), pp. 8–22. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/01> (accessed 20.03.2021).

25. Talakvadze G. (2020). Social, economic and ideological consequences of the Pandemic COVID-19, *Sciences of europe*, no. 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ekonomicheskie-i-mirovozzrencheskie-posledstviya-pandemii-covid-19/viewer> (accessed 20.03.2021).

26. Schwab K., Mallere T. (2020). COVID-19: Great reboot. URL: <https://www.litlib.net/bk/135579/read> (accessed 20.03.2021).

27. Pandemic sociology. Project by CoronaPHOM. Moscow: Institute of Fund Public Opinion. 2021. 319Zp. URL: <https://media.fom.ru/fom-static/.pdf> (accessed 20.03.2021).

28. Letu M.N. (2021). Thematic stratification of static polycodic texts dedicated to self-insulation, *Questions of cognitive linguistics*, no. 1, pp. 26–38.

AUTHORS' INFORMATION:

Alexander S. Vatoropin – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); alexandr.vatoropin@ui.ranepa.ru.

Maksim N. Latu – Ph.D. of Philological Sciences; Pyatigorsk State University (9, Kalinin Av., Pyatigorsk, Stavropol Region, 357532, Russia); laatu@yandex.ru.

Elnara I. Garaeva – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); garaeva-ei@ranepa.ru.